

Предисловие <к прозе Д. В. Веневитинова>

Д. В. Веневитинов. Стихотворения. Проза.
Издание подготовили Е. А. Маймин, М. А. Чернышев
Серия "Литературные памятники"
М., "Наука", 1980
[OCR Бычков М. Н.](#)

Некоторые обстоятельства¹ замедлили печатание сей второй части сочинений Д. В. Веневитинова, состоящей из оригинальных и переводных его упражнений в прозе. Статьи сии большею частию отрывочны: некоторые из них даже не были писаны автором для печати; но несмотря на то мы не усомнились их поместить в сем собрании: ибо они более ознакомят публику с родом занятий сего юного писателя, с его мнениями, зрелостию его суждений и с его душою пламенною, благородною. Впрочем мы здесь не будем распространяться о нравственных достоинствах покойного Веневитинова. Как священный клад сохраняем мы память сего незабвенного друга и предоставляем читателям судить об его произведениях.

С целию вышеобъясненною не исключили мы из сего собрания двух критик, писанных автором еще в 1825 году и бывших первыми его печатанными сочинениями. В них находятся некоторые наброски на новый в то время образ суждения, на систему мышления, коей начала отчасти уже с большею ясностию и отчетливостию развиты в письме графине NN о *философии*. Автор, согласившись на просьбу одного приятеля², хотел таким образом предложить в письмах целую систему, целый курс философии.-- Он не успел довершить своего предприятия, а несколько отрывков о сем же предмете затеряны. Но точка зрения его уже была определена, и во всех последующих своих сочинениях, равно как и в откровенных беседах с друзьями, он следовал всегда одной постоянной нити суждения.

Прочие статьи, здесь помещенные, были большею частию читаны автором в кругу друзей и собеседников и должныствовали войти в состав журнала, коего план, как читатели здесь увидят, был предначертан Д. Веневитиновым. Разбор одной сцены из "Бориса Годунова", писанный на французском языке еще в то время, когда она появилась в "Московском вестнике" в 1827 году, был определен сочинителем для помещения в "Journal de St. Petersburg"; но по некоторым обстоятельствам статья сия не была тогда напечатана.

Отрывок под заглавием: "Три эпохи любви" принадлежал к неоконченному роману³, коего некоторые главы отчасти набросаны, но здесь не помещены, потому что, вне связи с целым, они теряют свое достоинство и показались бы неуместными. В замену мы по возможности сообщим из сего романа то, что автор нам изустно передал об его плане, никогда не написанном, но коего общие черты были определены в его уме: ибо роман сей был главным предметом мыслей Д. Веневитинова в последние месяцы его кратковременной жизни.

Владимир Паренский, единственный сын богатого пана польского, известного голосом своим на сеймах, был поручен отцом, перед его смертию, под опеку и на воспитание старому его другу, доктору Фриденгейму, который жил вблизи одного из знаменитейших университетов Германии и соделался впоследствии начальником Медицинской Академии. В доме опекуна своего провел Владимир счастливые года младости. Часы ребяческого досуга разделял он с дочерью своего воспитателя, Бентою, и с ранних лет началась между сими младенцами тесная, неразрывная дружба, заронилось неясное предчувствие страсти более пламенной, более губительной. Настало для Паренского время посещения публичных курсов в университете. Вскоре удивил он своих наставников успехами неожиданными. С равною легкостию и жаром следовал он за различными отраслями наук, и, хотя не принадлежал к Медицинскому отделению, но по собственному желанию не пропускал ни одной из анатомических лекций своего наставника и получил со временем весьма основательные понятия о сей науке. Он любил погружаться в глубокие размышления о начале жизни в человеческом теле. Он удивлялся стройности, расположению, бесконечности частей его составляющих. Он старался разгадать этот малый мир, вникнуть в сокровенное, узнать тесную, но тайную связь души и тела. Мысли его стремились далее и далее. В нем родились сомнения. С тайною радостью, может быть, с тайною надеждою взирала Бента на быстрые успехи Паренского, на первенство, которое он возымел над товарищами, на удивление и любовь его наставников, на это видимое предназначение в нем человека необыкновенного, выпяренного. Она не понимала как дорого он искупил сии преимущества!

Пробывши несколько лет в университете, Паренский вздумал путешествовать. Гонимый